

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ В. А. КАРПОВА

Наш постоянный интерес к поэтическому творчеству Владимира Александровича Карпова обусловлен не только безграничным уважением к Учителю, памятью о нем, но и несомненными художественными достоинствами его лирики. Ранее нами были описаны прецедентные феномены в поэзии В. А. Карпова, функционирование имен собственных, экспрессивные ресурсы лексики, цветообозначения, концепт *дом*. Объектом внимания в данной статье являются особенности организации синтаксического уровня поэтических текстов в сборниках «Амальгама» [2] и «Дао» [3].

По верному замечанию Е. А. Иванчиковой, синтаксис является необходимой организующей частью структуры художественного текста, а в изучении синтаксиса писателя как творческой личности лингвистический аспект тесно переплетается с эстетическим [1].

Попытаемся выделить и охарактеризовать эстетически значимое употребление синтаксических средств в текстах стихотворений Владимира Александровича.

Прежде всего, обращает на себя внимание насыщенность текстов экспрессивными синтаксическими конструкциями.

Среди сегментированных конструкций преобладают так называемые построения с местоименным удвоением, характерные для разговорной речи и поэтому привносящие интонацию непринужденности, доверительности в общение автора с читателем: *Жизнь — она не постепенна. / В ней такие переплеты* [2, с. 43]; *Внук — и тот от рук отбился* [2, с. 49]; *Новый век — он век юродивых и очнувшихся кликуш* [3, с. 27]; *Талант, он, видно, не в одном силен. Он, что пырей — пробьет все пепелища* [3, с. 28]; *Жизнь — она — круговорот — / цветик — пчелка — дух медвяный* [3, с. 156]; *Сквозь тучи солнца луч — он как бы знак прощанья* [3, с. 180]. Представлен также классический именной предлог, придающий изображаемому возвышенную, торжественную, патетическую окраску, усиливающий эмоциональное воздействие: *Первый шаг... Как это много! / Это — целая дорога!* [2, с. 16]; *О юность — помыслы чисты, / как белый ватман* [3, с. 11]; *О зрелость — теснота тесьмы / тисками стиснет* [3, с. 12]; *О мудрость — Время в двух слогах / и сжатый опыт* [3, с. 13].

Большим разнообразием отличается использование рядов однородных членов. Прием градации служит для постепенного повышения экспрессии, для передачи нарастания эмоциональной напряженности повествования: *Непримиримость к рабству, злу, любым режимам, к морали карликов и слуг — пусть лоб расшиблен* [3, с. 12]; *... окинуть взглядом, ну хоть раз, мир первозданный, страшный, голый, прекрасный даже без прикрас* [3, с. 14]; *Колокольчик говорит, / гремит, кричит* [3, с. 115]; *Душа — в паренье! / Вне западни, вне всех силков, / ловушек, клеток* [3, с. 132]; *Так до победы в сорок*

пятом / за города, за пепел хаты, / за Родину вставал народ! [3, с. 134]; *И тело, и дело — непрочны... / То шрамы, заплаты да швы. / И в этой убогой сорочке / живите, / творите, / пророчьте, / любите живое живым* [3, с. 153]. Градация может иметь и нисходящий характер: *Душа блуждала где-то там, / Искала щель, ну, пусть ушко / игольное — но выйти, вылезть / из тьмы казенщины, из школ, из «измов», критики на вырост* [3, с. 45].

В сочинительном ряду оказываются объединенными разные по синтаксической функции словоформы: *Но где, когда и кем, каким усилием / людская, столь короткая, рука / определила место этой сини?* [3, с. 41]; логически несопоставимые и разноплановые понятия, что приводит к функционально-семантическому конфликту в однородном ряду (прием, получивший название окказионального сочинения или зевгмы): *Вот так нас подвигают к славе, / к стихам, / к разбою, / к мятежам* [2, с. 45].

Часто члены однородного ряда находятся в отношениях противопоставления, контраст при этом подчеркивается интонационно (преобладает бессоюзное соединение таких однородных членов): *Этих без вести пропавших / не судьба вела — судьбина* [2, с. 36]; *Свечою, не лампадой быть — / твое призванье* [2, с. 80]; *В разночтениях ищут / не стиль, не почерк — угол зренья* [3, с. 59]; *Сдавались, но не глазу — оку, / томившиеся до поры, стихией собранные в фокус, / природа, разум и порыв* [3, с. 43]. Экспрессивный эффект может усиливаться за счет того, что в роли контекстуальных антонимов выступают синонимичные лексемы (*глаз — око, свеча — лампада*), паронимы (*судьба — судьбина*).

Глубокая философичность стихотворений В.А. Карпова, внимание автора к извечным проблемам бытия, смысла жизни, его обостренное чувство гражданственности, патриотизма, непримиримости к приспособленчеству, неуспокоенность нашли отражение в таких стилистических фигурах речи, как медитативные вопросы: *Что же дочери и сыны / разлетелись по всей земле? / Неужели тебе, страна, / стали лишними эти рты... / Или наша во всем вина, / что такую сделала ты?* [3, с. 29]; *Был же кто-то первый, / кто перелил мне кровь земли, / связал в одно обрывки нервов, / разбросанных и там и сям / в созвездиях моей Вселенной?! / И чья в моих глазах роса? / Чье горе? Отрицанье тлена?! / Кем в этой жизни на ступень поставлен? Для какой ступени / готовлюсь — в той, другой, успеть — / все то, что в этой не успею?* [3, с. 57]; *Где и кто установил предел / жизни янтаря, полотен и книг?* [3, с. 142]; риторические вопросы: *Но горечь тех свободных лет / как объяснить тебе, мой мальчик?* [2, с. 26]; *Но голод наших сытых лет / как объяснить тебе, мой мальчик?* [2, с. 31] — актуальность вопроса подчеркивается оксюморонными сочетаниями *горечь свободных лет, голод сытых лет*; *Что ей имя? Что ей кличка?* [2, с. 55]; *Что ты без этого порыва?* [2, с. 61]; *Что тишь ему? Зачем ему покой, / когда и в снах — погоня, ветер, кони...* [3, с. 106]. Асимметрия формы и содержания (*Что ты без этого порыва? = Ты ничто без этого порыва; Зачем ему покой? = Покой ему не нужен*), отступление от стандартного построения фразы акцентируют авторскую позицию, делают ее еще более убедительной.

Ярким средством диалогизации авторского монолога является использование вопросно-ответных конструкций, которые переводят повествование то в спокойную задушевную беседу, то в жаркий спор с собеседником, то в острую дискуссию: *А итоги? Да пока / об итогах рано...* [2, с. 40]; *И что нам снится? Жизнь? А может, какая небыль? В кулаку зажатом синица? Или белый журавлик в небе?* [3, с. 26]; *Как быть? А если быть — то чем? / Строкою Ветхого завета? / Пятном на солнечном луче? / Апокрифом? Лелеять старость, / события зерном тая???* [3, с. 61]; *Не нам, приговоренным жить / мгновения огромных сроков, / о бесконечности тужить / и возводить себя в пророки. / А что же нам? Высот, глубин, / коснувшись всего отчасти?? / — Все неподвластное любить / и называть все это счастьем* [3, с. 111]; *Что оставишь из жизни густой, / чистый лист превращая в страницу? / Юных лет, трудных дней векселя? / Долговые расписки мужанья?* [3, с. 138]; *А что на дворе? — Перестройка?! / — А-а, видимо, новый хомут...* [3, с. 144].

Тексты стихотворений В.А. Карпова изобилуют цепочками номинативных предложений: *Окраина, масштаб Союза. / Мороз* [2, с. 29]; *Морозы. Оттепель. Морока / к весне расплаканых дорог* [2, с. 29] — картина весенней распутицы дополняется метафорическим образом расплаканых дорог (авторский окказионализм); *Дрожь свиданий, звон гитары, / и соперник-друг* [2, с. 37]; *Тихий сад. Белых яблонь дым* [3, с. 26] — аллюзия на есенинское «Все пройдет, как с белых яблонь дым»; *Отлив. Прилив* [3, с. 37]; *Маяк. И три окна без шторм. / И шторм, ввинтившийся как штопор / в бутылку бухты* [3, с. 37]; *Маяк. / Проектор. / Тьма. / Сирена* [3, с. 35]; *Каньоны. Пропасти. Фиорды...* [3, с. 50]; *А там и побережье. Льды. / Гагары. Чайки. Стон базаров. / И блеск застывших гор слюды, / и всплеск сияний светозарных* [3, с. 54]; *Чердак. Обычный кавардак / вещей почти полузабытых.<...> Иконы. Кресел тертый штоф. / Рассохшиеся клавикорды. <...> Подшивки. Выкройки. Роман, / занявший шляпную картонку* [3, с. 95]; *Годы ранних потерь, вехи страшных утрат...* [3, с. 120]; *Негаданно взошедшая звезда. / Наутием открытые законы* [3, с. 135]; *Безвременье. И времена, / когда тебе поют и славят* [3, с. 150].

Эффект телеграфного стиля («рубленого» синтаксиса) достигается также путем использования парцеллированных конструкций, лексических повторов с синтаксическим распространением: *Сорок пятый. «Слава павшим...» / Спят. Хотя б не на чужбине...* [2, с. 36]; *А память все шепчет. / И жжет. И сжигает уже. / И тянет к пришедшей — / как будто за долгом — душе* [2, с. 84]; *Лежим. Вне планов. Вне режимов. / Вне зла. Над пропастью добра* [2, с. 90]; *... видеть в дыму погони / очень новые времена. Времена одетых раздетых, / времена обутых босых, / времена, о которых дети / будут долго еще просить / рассказать, / времена, чьи сдвиги зарождению гор сродни, / так менявшие карту — видом, / видом новых дымов* [2, с. 23].

Синтаксический параллелизм, инверсия, хиазм и другие стилистические фигуры, связанные со словорасположением и порядком следования компонентов, служат для логического выделения актуальных в смысловом

отношении лексем: *От фейерверков тех — зола. / От времени — лишь пыль седая* [2, с. 10]; *Все дуэли — по утрам. Балы — по вечерам* [2, с. 12]; *Осторожность спорит с риском — / Юность спорила с Дедалом* [2, с. 18]; *Здесь, на мысу, <...> я жил рабочим моря ритмом* [3, с. 37]; *Не соблюсти его советов нельзя* [3, с. 41]; *Но север дальний / уже влечет издалека / другою стороной медали* [3, с. 53]. *Запах крови, гари запах / с детства помним по сей день* [3, с. 143].

С этой же целью используется анжанбеман — несовпадение деления на строки и предложения (перенос предложения на другую строку): *Был день как день. Гремел засовом / и на прогулку выпускал, / не требуя к своей особе / особых почестей. Тоска / невольничья — была обычной / тоскою, / шейною доской — / юпитеровой или бычьей, / но зауряднейшей тоской* [2, с. 31]; *Во всем неприветливость быта / подчеркивала бытие / такой стремительной орбиты, какой не сообщит дизель / мелодии. И поражало / не высотой излишних проб — / в уздечках, седлах и кинжалах / рассыпанное серебро — / а приземленностью металла, / незастекленностью от глаз / да тем, что щедро разметались / сокровища по всем углам* [3, с. 52]; *Я — только миг в календаре / у вечности. Но краски луга — / во мне! Тончайшая из линз / откуда?* [3, с. 57].

Придание значимости каждому слову осуществляется путем выделения его в отдельную строку, в том числе с использованием «лесенки»:

<i>Спеши,</i>	<i>Хвала и слава хлебопашцу!</i>
<i>считай секунды,</i>	<i>Припомните работу рук:</i>
<i>сантиметры,</i>	<i>Лукошко в левой,</i>
<i>будь жадной,</i>	<i>Правой —</i>
<i>жаркой,</i>	<i>в пашню —</i>
<i>леденящей,</i>	<i>от сердца —</i>
<i>щедрой,</i>	<i>горстью —</i>
<i>забудь про всех — мое лишь</i>	<i>вполукруг</i> [2, с. 32].
<i>помни</i>	
<i>имя...</i>	
<i>Губи меня,</i>	
<i>люби меня,</i>	
<i>любимая...</i> [2, с. 75]	

Своеобразие фразового синтаксиса поддерживается особенностями авторской пунктуации, в частности предпочтительностью в употреблении тех или иных знаков препинания. Излюбленным знаком Владимира Александровича, как и его великой предшественницы Марины Цветаевой, является тире. Этот знак препинания приобретает универсальный характер и используется не только как обязательный знак, но и как факультативный, употребляющийся в нарушение регламентируемых справочниками правил пунктуации как интонационное (авторское) тире: *Черновики — в огонь. / И быль — в огонь!* [2, с. 42]; *Привыкаем к потерям... / Не привыкнуть — к находкам* [2, с. 114]; *И ты — в родстве — / со всем!* [3, с. 58]; *Не дать — нельзя...* [3, с. 59]; *Всей дрожью ты сейчас предстал / в своей — уже не снять! — / последней коже* [3, с. 60]; *Подаренная мне в порыве, / она сама была — порыв* [3, с. 62]; *И не старея — молодея / на прожитый, сгоревший*

срок, / жизнь вверх брала не совпадением, / а расхождением дорог [3, с. 62]; Первая рана — страшная рана, / боль — не увидишь, крик — не услышишь [3, с. 67]; И этот миг — неугасим, / невыгораем, вечен [3, с. 73]; Срывы — / редки [3, с. 81]; С годами — дорожишь / всем, что намыл, намыкал [3, с. 112]; Нас ослепляли — мы не слепли! [3, с. 134];

Подобно Марине Цветаевой В.А. Карпов использует со специальной стилистической целью дефисацию: *Ах, мо-ло-ды мо-ло-ты!* [2, с. 46] — расчленение слов на слоги служит для передачи равномерного стука молота (звукопись); *Да с миру по нитке — / дли-и-нны-е долги...* [2, с. 51] — дефисация отражает удлинение ударного гласного и подчеркивает смысл слова.

Повышенная частотность употребления вопросительных и восклицательных знаков связана с использованием таких стилистических фигур, как риторические вопросы (см. примеры выше), риторические восклицания: *Как празднично дерзит капель! / Какие солнечные лужи! / Как в спешке не оторопеть, / не вытерпев весенний ужас!* [3, с. 69], риторические обращения: *Январь, да где ж ты раньше пропал?* [3, с. 113]; *О жизнь, куда же ты, постой!* [3, с. 115]; *Куда, Россия, держишь путь?* [3, с. 151]; *Душа-скиталица, бездомница, / чем дышится тебе, что помнится, / где завтра будешь ночевать???* [3, с. 153]; вопросно-ответные конструкции в монологической речи (см. примеры выше).

Многоточие, как правило, сопровождает фигуру умолчания: *Забиться бы... / Не любоваться болью...* [2, с. 77]; *Бессилье любит унижать... / И не гнушается ножа, / решеток медленной отравы...* [3, с. 18]; *Так спят лавины снежные, так спят / землетрясения, так пожары дремлют...* [3, с. 118].

Все перечисленные приемы способствуют повышенной синтаксической расчлененности текста: уменьшается длина предложений, единая синтаксическая структура — предложение — разбивается на несколько высказываний. Тем самым каждая часть, каждое слово наделяются собственным логическим ударением, что усиливает их смысловую и эстетическую значимость.

В заключение приведем строки из стихотворения, посвященного памяти Василия Кащеева. Они в полной мере могут быть отнесены и к самому Владимиру Александровичу — Человеку, Ученому, Поэту:

Поэты не ходят. Поэты — летают.

Земные, они — из породы крылатой.

<...>

Свеча в твою честь на столе — догорает.

Стихи-корабли не сгорели, уплыли...

Поэты — не ходят. Они умирают,

когда их не держат друзья или крылья... [3, с. 121].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванчикова, Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. – М.: Наука, 1979.
2. Карпов, В.А. Амальгама: стихотворения. – Минск: Петит, 2000.
3. Карпов, В.А. Дао: стихотворения. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008.

